

текста, предпринятую с целью приспособить памятник к официальной христианской идеологии. Редактор пространной редакции задался целью избавить читателя от возможных раздумий над судьбой человека в мире, над вопросами о милосердии бога, о справедливости его суда, — теми вопросами, что звучат в речи Адама к Лазарю, наиболее полно сохраненной списками краткой редакции. Уничтожая все оттенки глубокой философской мысли автора о сущности человека — одновременно «царя» и «полоняника», редактор проявил несомненный талант художника, ибо переработка сделана с пониманием стиля памятника. В пространной редакции «Слова на Лазарево воскресение» можно найти все признаки ораторского жанра. Она открывается торжественным вступлением, начинающимся с пророчества Исайи: «Слыши, небо, внуши, земле, яко господь глаголаше. Сыны породих и вознесох, и ти ся мене отвергоша...» (По списку из собр. М. Н. Тихомирова, № 115, л. 77 об.). Известно, что в произведениях ораторского жанра в центре внимания автора во вступлении обычно находится само «слово», его художественная структура. Намек на это находим в «Слове на Лазарево воскресение». Давид, перебирая гусли, восклицает: «Воспойм, братие, веселую песнь, дружино моя, днесь отложим тугу и печаль, утешимся богом». «Отложим плач и скорбь», — читаем в другом списке. Это плач, который слышим в первых словах пророчества Исайи. Эта, уже во вступлении намеченная тема плача не только проходит через произведение, но выступает и как своеобразный жанрообразующий фактор. Автор пространной редакции сталкивает пророка Исайю и псалмопевца Давида, и это сопоставление двух настроений — горестного в словах Исайи, оттого что израильтяне забыли бога, и радостно-приподнятого в псалме Давида — не противоречит вступлением в торжественных речах, где сталкивалось несколько манер повествования.

И. П. Еремин остановился также и на центральной, нарративной части ораторских сочинений. Говоря о многих «словах» Кирилла Туровского, в центральной своей части представляющих собой повествование, И. П. Еремин отметил, что «к повествованию сводится, в сущности, все целиком и „Слово о Лазаревом воскресении“».¹² Правда, И. П. Еремин оговаривает, что «повесть в составе торжественной речи — это совсем особая „повесть“», что как часть целого «повесть» пронизывается «элементами ораторской риторики, порою даже теряет свою нарративную природу, переключаясь в своеобразный монолог в рамках лиро-эпического повествования».¹³

Повествовательный характер центральной части пространной редакции «Слова на Лазарево воскресение» (речь Адама к Лазарю, приход Христа в Вифанию, воскресение Лазаря, сошествие Христа в ад и освобождение пленников) можно только наметить. Почти половину центральной части «Слова на Лазарево воскресение» занимает рассказ об евангельских событиях. Эпизоды, связанные непосредственно с воскрешением Лазаря (приход в Вифанию, встреча с Марфой и Марией) в списках пространной редакции, отразивших архетипный текст, очень кратки, они только констатируют события: «Услышавше господь плач их и скорбь во аде, приде к сестре к Лазареве к Марии и Марфе, и глаголаше Мария и Марфа ... и рече господь ... тогда воскреси господь Лазаря ... И рече Лазарь пред господом» (л. 78 об. и дальше). Описание событий в Вифании занимает в «Слове» всего несколько фраз, основное же место отведено молитве-плачу Адама, спору ада с дьяволом, описанию сошествия

¹² И. П. Еремин. Жанровая природа «Слова о полку Игореве», стр. 154.

¹³ Там же, стр. 155.